

«За Саянами»: эволюция этнической и территориальной идентичности уроженцев Тувы, мигрировавших в другие регионы России

Олег В. Лысенко

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация,

Регина О. Ширап

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье исследуются вопросы трансформации локальной и этнической идентичности тувинцев в процессе их миграции из Тувы в другие регионы страны. Исследование базируется на основании глубинных интервью с 11 информантами, проведенных в 2025 г. в онлайн-формате: тувинцами, выходцами из республики, проживающими в других регионах России и за рубежом.

Выявлены два основных сценария миграции: рациональный выбор в пользу получения образования в престижном вузе страны, и спонтанные решения, связанные с желанием избежать рутинной жизни, увидеть большие города, ослабить связи с родственниками. Подчеркиваются гендерные аспекты миграции, где женщины стремятся выйти за рамки традиционного восприятия своей роли в тувинском обществе путем получения образования, профессиональной реализации в крупных городах и осознанного выбора приоритетов.

Адаптация тувинских мигрантов нередко сопровождается языковыми, культурными и бытовыми трудностями, однако этническая принадлежность становится ресурсом для преодоления этих проблем через взаимопомощь и формирование землячеств. Эмоциональные связи с родиной остаются сильными, однако многие опрошенные не планируют возвращение по ряду причин.

Авторы пришли к выводу, что с увеличением времени проживания вне родины у тувинцев усиливается этническая идентичность при одновременном ослаблении территориальной.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; миграция; территориальная идентичность; локальная идентичность; этническая идентичность; гражданская идентичность

Статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)»).

Для цитирования:

Лысенко О. В., Ширап Р. О. «За Саянами»: эволюция этнической и территориальной идентичности уроженцев Тувы, мигрировавших в другие регионы России // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 58-74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.4>

Лысенко Олег Владиславович — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Эл. адрес: oleg-lysenko@yandex.ru

Ширап Регина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: reggylook@yandex.ru

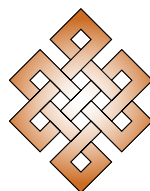

LYSENKO, Oleg Vladislavovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies, Perm State National Research University. Postal address: 15 Bukireva St., Perm, 614068, Russia. E-mail: oleg-lysenko@yandex.ru

SHIRAP, Regina Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000, Russia. E-mail: reggylook@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2605-9126

ORCID: 0000-0002-6060-2308

“Beyond the Sayan Mountains”: Evolution of Ethnic and Territorial Identity of Natives of Tuva Who Migrated to Other Regions of Russia

Oleg V. Lysenko

Perm State National Research University, Russian Federation,

Regina O. Shirap

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the issues of transformation of local and ethnic identity among Tuvans during their migration from Tuva to other regions of the country. The study is based on in-depth interviews with 11 informants, conducted online in 2025: Tuvans, natives of the republic, residing in other regions of Russia and abroad.

The authors identify two main scenarios for migration: the rational choice in favor of obtaining an education at a prestigious university in the country, and spontaneous decisions related to the desire to escape routine life, see large cities, and loosen family ties. Gender aspects of migration are emphasized, wherein women seek to go beyond the traditional perception of their role in Tuvan society by obtaining education, achieving professional self-realization in large cities, and consciously choosing their priorities.

Adaptation of Tuvan migrants is often accompanied by linguistic, cultural, and everyday challenges; however, ethnic affiliation serves as a resource for overcoming these issues through mutual assistance and the formation of community associations (“zemlyachestvo”). Emotional ties to the homeland remain strong but many respondents do not plan to return for a number of reasons.

The authors conclude that with increasing duration of residence outside their homeland, Tuvans experience a strengthening of ethnic identity alongside a simultaneous weakening of territorial identity.

Keywords: Tuvans; Tuva; migration; territorial identity; local identity; ethnic identity; civic identity

Financing

The article was prepared with the financial support of the HSE University (the project “Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)”.

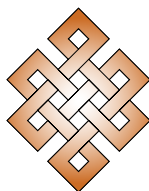
For citation:

Lysenko O. V. and Shirap R. O. “Beyond the Sayan Mountains”: Evolution of Ethnic and Territorial Identity of Natives of Tuva Who Migrated to Other Regions of Russia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 58-74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.4>

Введение

Миграционные процессы — одно из наиболее значимых и сложных явлений в современном глобальном мире. Они оказывают огромное влияние практически на все сферы жизни российского общества, как позитивные, так и негативные. Особое значение приобретает изучение особенностей миграционных движений в современной демографической ситуации, когда, в силу естественных демографических процессов, между странами и регионами усиливается конкуренция за людей, как основу экономического развития, политической стабильности и сохранения культурного наследия. Все это справедливо и в отношении Республики Тыва (Тувы), которая на протяжении последних десятилетий является регионом-донором в миграционных процессах.

Актуальность такого исследования определяется ставшими классическими научными представлениями о ключевой роли идентичности в жизни общества (Бергер, Лукман, 1995; Абельс, 1999; Ядов, 1995; Жаде, 2007) и взаимосвязью территориальных и этнических идентичностей с существованием национальных и региональных сообществ. По сути, это основа всех социальных, поли-

тических и культурных процессов, главный фактор сохранения любого сообщества, в том числе территориального и национального. Утрата идентичности грозит исчезновением для любого сообщества, а миграционные процессы бросают достаточно серьезный вызов этому фундаментальному элементу социумов.

Отсюда вытекает цель нашего исследования — выявить, как меняется восприятие республики у молодых жителей Тувы после нескольких лет жизни в других регионах, как меняется приоритетность и содержание их локальной (региональной, поселенческой) и этнической идентичности, и как это влияет на принятие решения о возвращении или невозвращении на родину после обучения/получения опыта работы.

Для достижения этой цели мы решаем следующие задачи:

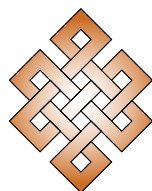
- выявить основные сценарии образовательной миграции молодых жителей Тувы;
- проследить, как влияет этническая идентичность на адаптационные способности молодых выходцев из Тувы;
- проследить, как меняются (ослабевают или, наоборот, укрепляются) их связи с семьей, локальным сообществом, регионом и какие факторы имеют при этом решающее значение;
- выяснить, каковы их планы на дальнейшую жизнь, в том числе планируют ли они возвращаться в регион, и если да, то при каких условиях и обстоятельствах;
- проследить какое место в общей структуре территориальных идентичностей занимает региональная, локальная и этническая идентичность.

Вынесение в заголовок фразеологизма «за Саянами» объясняется тем, что среди населения Тувы существуют устоявшееся восприятие этого словосочетания как чего-то что происходит вне Республики Тыва, в частности за Саянскими горами. «За Саянами» также часто используется самими жителями Тувы как обозначение всех локаций мигрировавших в другие регионы земляков. Также в научный оборот введено условное название «засаянские тувинцы», предложенное Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2014) для обозначения тувинского населения, рассеянного по всему миру.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 2000-х гг., когда наступило время относительной экономической стабилизации и сформировались современные миграционные тренды (Абылкаликов, 2021), по настоящее время.

Наше исследование строится на глубинных интервью, взятых у уроженцев Тувы, этнических тувинцев, в разные годы уехавших для обучения в другие регионы страны и за рубеж. Интервью проводились в онлайн-формате через мессенджер *Telegram* и социальную сеть КНР *WeChat* (с информантом, который в данный момент обучается в Китае). Всего было взято 11 интервью на русском языке в период с апреля по июнь 2025 г., всем собеседникам была гарантирована анонимность.

В выборке представлены информанты с разными социально-демографическими характеристиками и социальным опытом: 1) трое мужчин и восемь женщин, что соответствует общей тенденции (согласно некоторым исследованиям, женщины чаще проявляют миграционную активность, см: Натсак, Балакина, 2024); 2) три информанта в возрасте до 18 лет, пять человек в возрасте до 35 лет и 4 человека в возрасте от 35 до 42-х лет; при малой выборке такой подбор позволяет зафиксировать как первичные (самые «свежие») впечатления от перемены места жительства, так и проследить весь путь адаптации, включая изменения восприятия этнической и локальной идентичности; 3) среди информантов представлены нынешние жители Москвы (2 чел.), Санкт-Петербурга (3 чел.), Красноярского края (3 чел.), Екатеринбурга, Абакана, Ямало-Ненецкого автономного округа (по 1 чел.); при этом многие информанты имеют опыт проживания и в других городах, и даже странах (Пермь, Новосибирск, Челябинск, Ачинск, Китай, Корея); один информант после смены двух городов вернулся обратно в Кызыл; 4) четверо информантов имеют среднее-профессиональное образование или находятся в процессе его получения; остальные информанты имеют высшее образование; 5) в настоящий момент все информанты, кроме обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, являются состоявшимися людьми, работающими медиками, экономистами, юристами, программистами, сотрудниками вузов. Большинство из совершеннолетних информантов замужем/женаты, имеют детей; 6) трое информантов на момент проведения интервью проживали «за Саянами» менее года (точнее — около 9 месяцев — это обучающиеся колледжа), двое информантов имеют относительно небольшой стаж миграции — 9 и 13 лет, трое информантов — 17-18 лет, и еще трое — более 20 лет.

Хотя данная выборка не может претендовать на репрезентативность в понимании количественных методов, разнообразие представленных в ней социальных типов позволяет нам увидеть миграционные процессы глазами разных людей, последить различные сценарии миграции и выделить общие особенности трансформации этнической и территориальной идентичности.

При интерпретации полученных данных мы опирались на теоретические и эмпирические исследования, посвященные проблемам формирования и трансформации территориальной и этнической идентичности, в том числе — на авторские наработки по этой теме. Один из авторов этой статьи (О. В. Лысенко) проводил исследования, посвященные структуре территориальных идентичностей качественными и количественными методами в разных регионах страны: Пермском крае, Республике Хакасия, в Иркутской, Брянской, Новгородской, Сахалинской областях. Часть результатов этих исследований опубликована (Пермь как стиль ... , 2013), часть находится в личном архиве. Эти исследования исходили из популярной метафоры соотношения территориальных идентичностей в современном национальном государстве как «матрешки», в которой идентичности более широкого масштаба вмещают в себя идентичности меньшего масштаба. Например, общероссийская идентичность может вмещать в себя идентичности региональную, локальную (городскую или поселенческую) и микролокальную (житель микрорайона, улицы, вернакулярного¹ района).

Понимая социальную идентичность как самоотождествление человека с какой-либо общностью, и учитывая, что при наличии разного рода территориальных идентичностей у отдельно взятого индивида некоторые из идентичностей могут превалировать над всеми остальными, нами был создан базовый инструментарий для замера их иерархии в массовом сознании через ранговую шкалу. При этом в состав территориальных идентичностей мы ввели и этническую идентичность, основываясь, во-первых, на многочисленных исследованиях, выявляющих особую роль территорий в процессах этногенеза (Ассман, 2004; Фадеичева, 2006; Андерсон, 2016; Мочалов, 2017; Медушевский, 2025abc), а во-вторых, на закрепившуюся в массовом сознании российского общества связь этничности и территории, что подкрепляется существованием административных национально-территориальных образований.

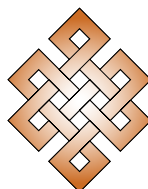
Обзор литературы

В настоящее время накоплено немало исследований, посвященных миграционным процессам в Туве. Не претендуя на полноту обзора, мы рассмотрим основные направления и достижения коллег в этой области.

Прежде всего следует отметить большой вклад в изучение этой темы демографов, географов и экономистов. В качестве источников в этих исследованиях используются данные государственной и ведомственной статистики (Ростовская, Васильева, 2023; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023; Абылкаликов, 2021; Гончиков и др., 2019; Безвербный, Микрюков, Ситковский, 2024), иногда — новые цифровые источники (Чернышев, Митягина, 2023). Благодаря таким исследованиям мы имеем представление о количестве людей, вовлеченных во внешние и внутренние миграционные процессы Тувы, социально-демографический и этнический состав мигрантов, наиболее популярные направления миграции, наиболее важные факторы перемещению людей в пространстве, и иные важные сведения. Общим достоинством такого рода работ мы считаем количественный анализ, позволяющий выявить основные тенденции развития общей ситуации и задающий рамку управления изменениями. Однако, статистические данные не позволяют понять, какими мотивами движимы люди, принимающие решения о миграции, как они сами оценивают свои перспективы, как они строят планы на будущее и с какими проблемами они сталкиваются. Отдельно подчеркнем, что этот недостаток никоим образом нельзя адресовать авторам упомянутых работ — он вытекает из ограничения самих используемых источников.

Другим важным и интересным направлением изучения миграционных процессов являются социологические исследования (Ойдум, Кылыгдай, 2011; Балакина, Анайбан, 2016; Натсак, Даржаа,

¹ Вернакулярный район — территория, бытующая в массовом сознании вне административных границ; обладает названием и наделяется специфическими качествами (См.: Смирнягин Л. В. Вернакулярный район / Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 35–36).

2023). Социологи вносят важное дополнение к статистическим исследованиям, вводят в научный и управленческий оборот информацию и миграционных настроениях населения, устанавливают корреляции между образовательным, имущественным и поселенческим статусом респондентов и их планами на перемещение. Для нашего исследования особо ценными являются работы, непосредственно связанные с тематикой заявленного исследования. Прежде всего, это статья Ч. К. Ламажаа, посвященная описанию социокультурного портрета мигрантов, их связей с малой родиной, оценке степени сохранности тувинских традиций среди мигрантов, вопросам трудоустройства «за Саянами», характеристикам тувинской общественной жизни в крупных российских городах на основе интернет-опроса (Ламажаа, 2014). Далее, следует отметить и работы В. С. Донгак¹ и Д. Ш. Монгуш, прямо направленные на исследование распространенности этнической идентичности среди тувинцев (Донгак, Монгуш, 2021). Анализ полученных этими исследователями результатов будет приведен ниже, в сопоставлении с результатами, полученными нами.

Также мы использовали результаты исследования коллег-социологов, сравнивших трудовую миграцию в Туве и Калмыкии на материалах глубинных интервью. Для нашего исследования важно, что в данной работе уделяется особое внимание «вопросам сохранения этнической и религиозной идентичности в иноэтнической среде, связям с малой родиной» (Бадмаева, Натсак, 2021: 188).

Мы предлагаем свой вклад в исследования миграционных процессов Тувы и сосредоточились на изучении процессов трансформации идентичности в рамках прежде всего образовательной миграции тувинцев, опираясь на результаты собственного исследования, выполненного методом биографического интервью.

Основные сценарии образовательной миграции молодых жителей Тувы

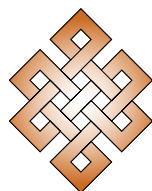
Судьба наших информантов до их переезда «за Саяны» складывалась по-разному: кто-то родился в сельской местности, кто-то — в Кызыле. У большинства опрошенных — неполные семьи, некоторые из них воспитывались в интернате в Кызыле, в одном случае информант рассказывал о приемной семье. Только одна девушка поведала, что ее воспитывали и оба родителя, и бабушка с дедушкой, причем она отмечала это как особый, редко встречающийся случай. Дважды встречаются истории о передаче информантов в детском возрасте на воспитание в семью родственников.

В рассказах упоминается разное материальное, социальное и образовательное положение родительской семьи. Есть примеры родителей медиков, заведующих сельским клубом культуры, предпринимателей, программистов, фермеров, актрисы, сотрудников правоохранительных органов. Отсутствие одного или обоих родителей чаще всего компенсировалось участием в жизни информанта большого числа других родственников — бабушек, дедушек, тетей, дядей, братьев, сестер (родных и двоюродных) и т. д., что подтверждает тезис многих авторов о сохранении в тувинском обществе сильной традиции расширенной семьи, рода (Ламажаа, 2021: 124–125).

В рассказах информантов просматриваются два сценария возникновения и воплощения миграционных настроений их в жизнь. Первый — заблаговременный и рациональный, инициированный родителями, родственниками, а иногда учителями. Если ребенок проявлял усердие в учебе, родители загодя начинали готовить его к поступлению в вуз другого города. Для этого нанимались репетиторы, семья могла переехать в Кызыл, чтобы отдать ребенка в престижную школу, гимназию или лицей. Один из информантов готовился к месту в целевом наборе от государственного ведомства, проходя собеседования и тесты. Такой сценарий описывается информантами из более или менее благополучных семей. Этот сценарий опирается на такие мотивы миграции, как стремление к успеху, самореализации («Ещё когда я была несовершеннолетней, я хотела учиться, чтобы учиться, чтобы расти» — женщина, юрист, г. Абакан), занятию престижных позиций в будущем. Часто это сочетается с неуверенностью в способности реализоваться в регионе из-за отсутствия у семьи (в данном случае — понимаемой как расширенная, семейная группа, включающая многих родственников) административных ресурсов и связей для дальнейшей протекции при трудоустройстве.

Второй сценарий — спонтанный и иногда даже вынужденный. После неудач поступления в Туве (из-за большого конкурса или отсутствия нужного направления обучения, например, военного),

¹ Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев: дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2003.

а также из-за опасений «...если ты год-два простаиваешь, не поступаешь, в армию не идешь ты, естественно, начинаешь плохими вещами заниматься... употребление алкоголя, туда-сюда» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), некоторые информанты воспользовались первой подвернувшейся возможностью поступить хоть куда-то: «в Ачинске, в медицинский колледж, критический недобор был... Вот так вот повезло...» (он же). В одном случае решение поступать в колледж за пределами Тувы за информанта было принято воспитателями в интернате, поскольку он в этот момент «отдыхал в санатории» (мужчина, студент, Красноярский край). Второй вариант принятия решения сочетается у информантов с двумя обстоятельствами: отсутствием одного или обоих родителей, с ослабленными семейными связями и желанием «вырваться из провинции», убежать от рутины, избежать неприятных контактов с родственниками («хотелось убежать от них подальше» — женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ); обзавестись новыми друзьями («..Ну, просто чтобы тоже иметь русских друзей, другой национальности тоже» — мужчина, студент, Красноярский край), посмотреть другие города, получить новые впечатления, возможно компенсировать прежние социальные неудачи достаточно смелым и, по словам самих информантов, значимым поступком. Уезжать из республики, по словам наших информантов, перспективно, эта оценка формируется учителями, родителями, самой молодежной средой.

Мотивы выбора места для миграции можно разделить на две группы:

- 1) условно «притягивающие», способствующие выбору нынешнего города проживания;
- 2) условно «отталкивающие», не способствующие выбору города в качестве места миграции.

К первой группе отнесем следующие мотивы:

— наличие родственников, знакомых в городе: «Тут моя сестра учится» (женщина, 17 лет, студент, Красноярский край); вероятно также информация о наличии в городе и в учебном заведении значительного числа земляков;

— низкий порог поступления, вызванный либо доступностью сервисов поступления, (некоторые информанты поступали до введения обязательного ЕГЭ), либо ориентацией образовательных учреждений на выходцев из отдаленных регионов: «Полярная Академия... там просто ректор — казашка, она ... решила [создать] университет для представителей из Сибири, Дальнего Востока, Севера» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва); «недобор учеников [был], и они разослали к нам, в Республику Тыва... воспользовались моментом» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург);

— пример родителей: «мама тоже училась в Челябинске» (женщина, программист, Челябинск-Москва-Китай¹);

— престижность и культурное амплуа города: «Я мечтала о Москве...», (женщина, сотрудник вуза, г. Москва); «я просто увидела по телевизору очень красивую архитектуру Санкт-Петербурга. ... Хотелось всё это вживую посмотреть и жить в этом городе» (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ);

— транспортная доступность: «[рассматривал поступление] в ближайшем городе, в Ачинске» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург);

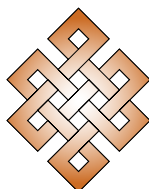
— случайные факторы, например, «потому что первыми прошли экзамены именно в Петербург» (женщина, экономист, СПб) или «мне тут очень понравилось, везде зелень и ночью всегда дожди... и я решила здесь остаться» (женщина, юрист, Абакан).

Ко второй группе мотивов, характеризующихся как отказ от определенного города в пользу другого, относятся:

— недостаточная степень «необычности», можно сказать даже экзотичности принимающего города: «А в Иркутске...у меня не было такого желания туда ехать... Иркутск, на мой взгляд, это слишком в пределах Сибири и как-то слишком обыденно... там слишком много азиатов» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва);

— затрудненная транспортная доступность: «В Саратове слишком далеко было и как-то неудобно ездить» (женщина, юрист, г. Кызыл),

¹ Информантка сперва долгое время проживала в Челябинске, затем — в Москве, а ныне находится на обучении в Китайской Народной республике.

— стоимость проживания в городе: «... Но на тот момент, это 2000 год, деньги, финансы, родители бюджетники, забастовки все были у учителей. И, соответственно, я мечтала о Москве, но почему-то подумали, что Питер хоть и далеко, но там, наверное, не так дорого, не так сложно жить» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

У тувинских абитуриентов встречается еще один мотив выбора, обусловленный специфическими религиозными традициями этнической культуры: советы от ламы или шамана. Как минимум, двое информантов упомянули о такой практике.

Миграционные сценарии в рамках образовательной миграции подразумевают не только первичное обучение, но и планы на дальнейшую жизнь. Разумеется, на первых порах они могут быть весьма туманны, неустойчивы. Так, например, у самых молодых наших собеседников, студентов-мужчин, возникает желание продолжить знакомство с городами, посмотреть мир, реализовать несбывшиеся пока мечты о военной службе (в военно-морском флоте). Остальные информанты по-разному преодолевали эту развилку своего жизненного пути.

Кто-то пытался вернуться в регион, но не смог найти работу с хорошей оплатой и без связей: «зарплаты хватало на неделю» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург); «когда я начала искать работу в Туве, это было, наверное, в 10 раз сложнее, чем найти работу в Петербурге... устроиться на хорошую должность в Туве — это, наверное, почти нереальная история, если у тебя нет знакомств» (женщина, экономист г. Санкт-Петербург) (последний фрагмент вновь свидетельствует, что одним из факторов, выталкивающих молодежь из региона, является отсутствие административных ресурсов у семейной группы). Кого-то привлекали в принимающем городе лучшая доступность социальных благ — медицины, образования для детей, публичных пространств, «третьих мест», то есть неформальных пространств для общения индивидов, не связанных с домом или работой, такие как кафе, кофейни, бары, пабы, рестораны и таверны, общественные культурные центры, рынки, торгово-развлекательные центры, парикмахерские, салоны красоты (см.: Ольденбург, 2014). Кто-то собирался продолжить образование в магистратуре, ординатуре, аспирантуре.

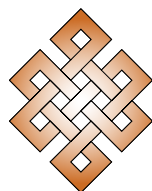
Но есть и еще три важных для нашей работы мотива выбора на этом этапе жизненного пути, и все они имеют гендерный аспект, т. е. все встречаются в интервью с женщинами.

Первый — относительно традиционный — возникновение романтических отношений с партнером, иногда перерастающих в брак. Этот мощный стимул, разумеется, становился для девушек решающим, и приводил с вполне «легальному», с точки зрения их родственников, решению не возвращаться домой, оставаясь в городах-реципиентах или следуя за своими мужчинами в другие города и регионы (последнее фиксируется дважды). Второй мотив — желание сохранить достигнутую престижную позицию человека, добившегося успеха за пределами республики своими трудами, получившего новый опыт жизни в больших городах в «мужских» сферах — финансах, бизнесе («я нашла то, что мне нравится, и стала специалистом в своей области, чем я действительно горжусь... у меня есть знания, компетенции и опыт» — женщина, экономист, г. Санкт-Петербург). А третий мотив связан с опытом иных, отличных от традиционных мотивов гендерных ролей. Некоторые информанты-женщины прямо или косвенно указали, что новый опыт самостоятельности в планировании собственной жизни оказался для них ценным.

«Изначально, когда те же самые мои родители отправляли меня учиться, у них была чёткая цель, и они это озвучили, естественно. То есть подход такой — ты уезжаешь, получаешь образование, приезжаешь и вносишь вклад в свою семью. И занимаешь своё определённое место именно в тувинской среде» (женщина, юрист, г. Абакан).

Это место предполагает, помимо, прочего, следование традиционным гендерным ролям, включая необходимость выйти замуж («...тебе начинают говорить, что ты должна выйти замуж где-то с 23 примерно — она же) и принятие доминирования мужа, что не всегда устраивает девушек, получивших высшее образование («но если у человека взгляд на жизнь традиционный, а не современный, я не смогу», «я за современные, равноправные эти все отношения» — она же). Так же некоторых из них смущает «негибкость», черно-белая дихотомичность социальных норм на своей малой родине, что в целом свойственно культуре небольших городов и сельской местности (Зубаревич, 2017):

«У нас [в Туве] представление есть: чёрное и белое. То есть либо ты белый, либо ты чёрный. Почему нельзя быть и белым, и хорошим, и чёрным хорошим?» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Иными словами, традиционные культурные устои тувинского общества, безусловно, выполняющие во многих случаях позитивную роль, иногда оказываются слишком тесными для уехавшей молодежи, особенно для женщин.

Итак, образовательная миграция молодежи Тувы строится по двум основным сценариям. Первый можно охарактеризовать как рациональный, основанный на планировании и поддержке родителей (семьи), а второй — как спонтанный, возникающий в ответ на неудачи и стремление к изменениям. Важными мотивами для выбора места жительства становятся наличие социальных связей, культурная привлекательность и транспортная доступность города, стоимость проживания, а также доступность образовательных возможностей. Гендерные аспекты также играют значимую роль, особенно для женщин, ищущих независимость и возможность уйти от традиционных норм и устоев.

Этническая принадлежность как способ преодоления трудностей адаптации

Все трудности, с которыми столкнулись наши информанты, можно разделить на четыре типа.

Прежде всего, это недостаточные языковые навыки. Поскольку в самой республике, по сведениям исследователей, сложилась ситуация языкового тувинско-русского двуязычия с преобладанием тувинского языка (Бадмаева, Натсак, 2021) многие абитуриенты поначалу испытывают трудности с общением на русском языке:

«Мы всё понимаем. У нас всё в голове, всё это понимание, нам всё говорят, мы всё понимаем. Но просто с произношением у нас проблемы. Мы не можем выговаривать всё это красиво, без акцента. ... И я ... пением развивал свой русский язык» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург).

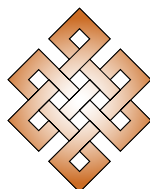
Далее, это вполне ожидаемые материальные трудности, особенно у выходцев из неполных семей, у оставшихся без родителей. Некоторые информанты вспоминали о том, что они буквально голодали (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ), многие уже на первых курсах устраивались на подработку.

Не менее значимыми на первых порах были и трудности культурно-бытового характера, например, отсутствие привычной еды, национальной кухни, неумение ориентироваться в пространстве большого города, непонимание транспортной системы или непривычность некоторых культурных сервисов («Не знал, как заказать такси» — мужчина, студент, Красноярский край).

Еще одной проблемой, с которой сталкивались наши информанты, оказались межнациональные и расовые стереотипы, ставшие причиной многих конфликтов. Половина наших собеседников вспоминает случаи, когда они лично становились объектами нападок из своей этнической и расовой принадлежности (поскольку «Мы не славянской внешности, конечно...» — мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), и почти все информанты смогли вспомнить случаи нанесения обид другим выходцам из Тувы и представителям иных этносов. Трения и конфликты на расовой и национальной почве варьируются от присваивания тувинцам ярлыков «китаец» или «иностранец», что, разумеется, обижает выходцев из Тувы, до открытых нападений со стороны националистов-«скинхедов». Печальную славу опасного для лиц с азиатской внешностью города имел г. Санкт-Петербург в 2000-х гг. (ныне проживающие в Петербурге тувинцы о таких случаях не упоминают) и г. Красноярск (одно упоминание). Определенную опасность для тувинцев мужского пола представляют также малые города, что следует из рассказа одного информанта о своем опыте силового столкновения с «гопниками» в период обучения в г. Ачинске. Самым распространенным и явным примером проявления ксенофобии являются оскорбительные слова («ускоглазые», «понаехали»), либо признаки бытовой дискриминации («сдам квартиру славянской семье», отказ в приеме на работу и т. д.).

А вот непривычный климат новых регионов, как оказалось, проблемой почти никогда не является. Исключение составляет Ямало-Ненецкий автономный округ с его климатическими особенностями (чрезмерная влажность, гнус), и г. Санкт-Петербург: обе территории упоминаются в этой связи по одному разу. Большинство информантов наоборот, отмечают частые дожди Петербурга или Абакана как фактор привлекательности. На фоне резко континентального климата Тувы для них это необычно и даже приятно.

Несмотря на то, что этническая и расовая принадлежность изначально может быть источником проблем, она же зачастую выступает «естественным» ресурсом решения других сложных ситуаций. Так, взаимопомощь земляков оказалась очень важна для получения важной бытовой информации в

больших городах («Где купить подешевле, где какие рынки есть» — женщина, работник вуза, г. Санкт-Петербург), материальной поддержки, сохранения привычных бытовых условий («Вместе отмечали праздники, лепили буузы¹» — (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ) и языковой среды («Говорим друг с другом, здороваемся на тувинском» — мужчина, студент, Красноярский край), для моральной поддержки в сложной ситуации. Поэтому естественной практикой поведения тувинцев за пределами республики является создание землячеств, часто в формате официальной организации, но иногда и неформального объединения. Согласно данным Ч. К. Ламажаа, четверть землячеств в стране в 2014 г. имела юридическое оформление (Ламажаа, 2014: 161). Во втором случае, когда речь идет о неформальных объединениях, это преимущественно мужские союзы, о чем говорил информант, обучавшийся несколько лет назад в Ачинске. После того, как его побили на улице местные «гопники» за неславянскую внешность, он обратился за помощью к землякам, обучавшимся в колледже в соседнем поселке. «Вся Малиновка сюда приехала в город, но так и не нашли тех пацанов... А потом уже все, «брат, брат, друг, друг»» (мужчина, студент, Красноярский край). К чести студентов надо сказать, что на подмогу тогда прибыли не только земляки информанта, но и русские студенты.

Формальные землячества нацелены, разумеется, на иной тип поддержки: организацию традиционных и религиозных праздников, защиту прав обучающихся, общение, бытовые советы, помощь в поисках работы, просто слова утешений в сложной ситуации. Вот как говорит о подобных аспектах своей работы одна из информанток, занимавшаяся созданием и управлением одного из землячеств в большом городе:

«[Когда] земляки жаловались вот, они там меня называли узкоглазой, или там на работу не приняли, потому что я узкоглазая... я говорю, слушайте, а чего вы обижаетесь? ... Ребята, всё от нас зависит: как вы себя внутренне ощущаете, от вашей энергетики, от вашего взгляда, от всего зависит. Если вы чувствуете себя чужаком, вы будете себя чувствовать каким-то, не знаю, может быть, каким-то ущербным или что-то. Это сразу считается во всех ваших действиях, просто в воздухе, как будет витать вокруг вас» (женщина, работник вуза, г. Санкт-Петербург).

Этническая и расовая принадлежность успешно использовалась в качестве ресурса и при решении иных задач. Так, многие наши собеседники рассказывают об исполнении национальных песен и танцев в рамках студенческой самодеятельности, что способствует их признанию в среде вуза. Один информант изготавливает своими руками мерч с символикой Тувы и дарит «хорошим людям», другая информантка даже использовала свою внешность, чтобы устроиться официанткой в японский ресторан.

Однако у эксплуатации этнической и расовой принадлежности есть и обратная сторона: концентрация на коммуникациях со своими земляками увеличивает вероятность замыкания в среде «своих», снижает эффективность языковой и культурной адаптации (на это указали несколько наших информантов), а также может обернуться социальным принуждением к замыканию контактов среди своих. Последнее скорее характерно для неформальных мужских объединений:

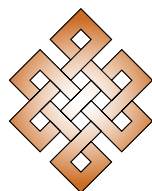
«Чаще общаюсь с тувинцами, наверное... Ну, чтобы не было подозрений, что не уважаю свою нацию... Но не только с ними, но и с русскими тоже. К ним прихожу в комнату, посижу *немного* (курсив наш. — О. Л., Р. Ш.), пообщаюсь и потом ухожу к себе» (мужчина, студент, Красноярский край).

Таким образом, мы выяснили, что этническая принадлежность тувинцев служит как источником трудностей адаптации в больших городах, так и ресурсом для их преодоления. Недостаточные языковые навыки, незнакомая бытовая культура и конфликты на почве межэтнических стереотипов часто преодолеваются благодаря взаимопомощи и моральной поддержке земляков. Особую роль в этом играют землячества, заодно способствующие сохранению культурной идентичности тувинцев и созданию привлекательного образа тувинской культуры. Наряду с этим существует риск замыкания контактов внутри своей этнической группы, что может затруднять интеграцию в более широкую социальную среду мегаполисов.

Связи с малой родиной: от мистики до прагматики

Наиболее распространенной и естественной формой связи с Тувой для информантов выступают коммуникации со своими родственниками, в первую очередь с родителями. Все информанты, да-

¹ Буузы (или позы) — это традиционное блюдо бурятской, тувинской и монгольской кухни.

же находящиеся в натянутых отношениях с родными, рассказали про регулярные звонки и общение в мессенджерах с представителями своей семейной группы. Как правило, это рассказы о повседневной жизни, обмен новостями (в том числе — о Туве) и сведениями о других родственниках. Распространенность такой практики подтверждается исследованием Ч. К. Ламажаа о популярности среди тувинцев чатов родственников в различных мессенджерах; количество участников таких чатов варьируется от 13 до 70 чел. (Ламажаа, 2021: 120).

Почти все наши собеседники регулярно приезжают на родину, и это также соотносится с данными количественных исследований. По данным интернет-опроса, проведенного Ч. К. Ламажаа в 2014 г., «60% тувинцев приезжают на малую Родину ежегодно, при этом 25% — даже несколько раз в год (по делам и в отпуск) ... Чуть менее четверти наших опрошенных (22%) не столь активна в отношениях с родней, пусть и многочисленной, а также реже приезжают в Туву — раз в 2–3 года (19%)» (там же: 156). Отчасти это продиктовано долгом посещать родителей и участвовать в семейных торжествах, но для большинства наших информантов это радостное и очень приятное событие, нагруженное эмоциональными переживаниями.

Поездки в обязательном порядке включают встречу с ближайшими родственниками (родителями, бабушками и дедушками, если они живы), братьями и сестрами, а также, вариативно, одноклассниками, друзьями детства, иногда — коллегами. Практики времяпровождения во время визитов могут включать помощь по хозяйству, особенно маме, хлопоты по получению медицинской помощи для старших родственников, прогулки или посиделки с друзьями, визиты к родственникам, посещение больших сборов семейной группы (с представлением новых членов семей — невесток, зятьев, знакомством с маленькими детьми и т. д.), посещение чабанских стоянок своих родственников или выезды на туристические природные объекты.

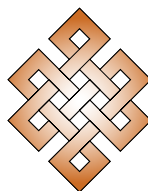
А вот новости, распространяемые традиционными СМИ и социальными медиа, интересуют выходцев из Тувы реже. Как сообщают некоторые информанты, «мы и федеральные то новости почти не читаем», а все, что нужно, «нам и так станет известно». Новости могут стать предметом гордости, а иногда разочарования. Причем прослеживается четкая корреляция между общим настроением в восприятии малой родины и готовностью следить за новостями: негативно настроенные информанты реже следят за новостями, позитивно — чаще. Трудно сказать, что в этой связке является причиной, а что — следствием. Возможно, изначальный негативный настрой приводит к угасанию интереса к новостной повестке республики, а возможно и наоборот, негативный новостной фон (ведь новости распространяются не только из официальных источников, но в социальных сетях, группах, сарафанным радио) приводит к постепенному изменению эмоционального восприятия Тувы на негативный. Но замечено, что даже у критически настроенных информантов периодически проскальзывает удивление и радость по поводу появления в городе новых зданий, магазинов или кафе, а также иных признаков городского развития, которые они видят во время визитов. Справедливости ради надо отметить, что и застарелые проблемы городского развития (разбитые дороги, отсутствие ремонта домов и общественных зданий) они также отмечают, укрепляясь в критическом взгляде на малую родину.

Многие информанты отмечают особое эмоциональное состояние, воодушевление, чувство «дома», а иногда и ностальгии при посещении родины. Некоторые описывают свои переживания достаточно возвышенно, прибегая к понятиям «энергии» и «шаманизм»:

«Мы же шаманы... Мы приезжаем, трогаем горы, получаем энергию. Трогаем землю, получаем энергию. Трогаем барана, получаем энергию (улыбается) ... Заряжаешься, можно сказать» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург).

Некоторые информанты осуждают других своих земляков, проживающих вне Тувы за то, что они годами не приезжают в республику, предпочитая туристические поездки за границу и на курорты. Наличие этого особого «чувства Родины» довольно устойчиво, что подтверждается другими исследованиями: «Можно констатировать сильную эмоциональную связь тувинцев-мигрантов с малой Родиной... связь также образована из чувства сопричастности тувинцев к уникальной, самобытной культуре, древним традициям и людям, которые это все развивают» (Ламажаа, 2014: 156–157).

Таким образом, визиты домой и поддержание связи с родственниками являются источником ярких, часто позитивных эмоций.

Планы на возвращение

В вопросах дальнейшего возвращения все информанты разделились на две группы: тех, кто планирует или, по крайней мере, желает рано или поздно вернуться в Туву, и тех, кто не видит для себя в этом особых резонансов.

Первая группа включает в себя всех мужчин, которые несмотря на планы продолжать учебу, работать и строить карьеру, эмоционально расположены к возвращению («Свою родную землю никогда не забуду» — мужчина, студент, Красноярский край), «Вот так вот поживёшь в Петербурге, вот в этих вот каменных джунглях много-много лет, уже хочется вернуться к природе.... Год за годом очень такая тяга идёт в меня сейчас» — мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), а также двух женщин, одна из которых уже вернулась в Кызыл, мотивируя это тесными эмоциональными связями с родными (не только родителями, но и с двоюродными и троюродными братьями, племянниками и т. д.), а вторая часто задумывается о возвращении, чтобы, возможно, реализовать какие-нибудь общественно значимые проекты.

Вторая группа по поводу возвращения настроена скорее скептически. «Не вижу никаких перспектив в плане работы, нет привычных городских удобств, мне нравятся большие города», сообщает женщина-программист, ныне проживающая в Китае.

Ей вторит еще одна собеседница:

«Если бы у меня была интересная должность, с высоким окладом, я бы могла вернуться. Тем более, если бы это было связано с пользой и благом для республики, я бы с удовольствием это делала (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Но неверно думать, что только деньги и работа являются стимулом к возвращению.

«Там после шести вечера жизни нет... Очень мало инфраструктуры для детей ... общественных туалетов нормальных чистых... куда мама со своим ребёнком пойти и нормально помыть, поменять подгузники... — рассуждает экономист из Петербурга — ... Мне [даже] не нужна зарплата, ... я хочу жить в комфорте» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Еще один важный тормоз для возвращения — дети и их благополучие:

«Родственники меня каждый раз всегда зовут, жить туда и так далее. Но я вот не знаю. Я, например, у меня дети здесь учатся, да? И дочка пойдёт в этом году в школу. Я понимаю, что, наверное, может быть, на пенсии я вернусь туда жить, но будут ли они меня навещать?» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва).

Таким образом в выборе между возвращением и невозвращением в Туву на первую чашу чаще всего кладутся скорее эмоциональные аргументы, а на вторую — аргументы прагматические, связанные не только с деньгами, но и с комфортом жизни, досугом, благополучием детей. Как указывается в уже неоднократно цитируемом нами исследовании Ч. К. Ламажаа, «далеко не всегда молодые люди руководствуются чувством ностальгии, патриотизмом, среди них есть и прагматики (в хорошем смысле этого слова), трезвомыслящие специалисты, которые хоть и в целом патриотичны, но осознают свою профессиональную ценность как таковую и реализующие себя вне связи со своими этническими корнями (Ламажаа, 2014: 158).

Трансформация этнической и территориальной идентичности в процессе миграции

Задача изучения структуры территориальных идентичностей и ее изменений по мере приобретения опыта проживания все Тувы решалась с помощью элемента полуструктурированного интервью, который мы использовали, чтобы иметь возможность соотнести полученные данные с предыдущими авторскими наработками. Информантам задавался вопрос «Оцените, пожалуйста, кем Вы себя чувствуете в первую очередь. Поставьте цифру “1” напротив самого важного определения, цифру “2” напротив второго по важности, цифру “3” напротив третьего и т. д.» со следующими вариантами ответа: «Я — житель своего региона» (при выборе уточнялось, какого именно — Тувы или региона проживания), «Я — житель своего города (села)» (при выборе уточнялось, какого именно — в котором информант вырос или в котором он проживает в настоящий момент), «Я — представитель своей национальности», «Я — житель Сибири», «Я — гражданин России» и «Я — гражданин мира» (таб.).

Затем мы просили информантов прокомментировать свой ответ, пояснить, почему та или иная идентичность ставилась им на первое, второе и третье место. Методологический подход, лежащий в основе этого инструментария, описан нами во введении.

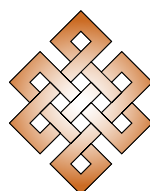

Таблица. Кодировка ответов информантов по поводу их идентификаций
Table. Encoding of informants' responses regarding their identifications

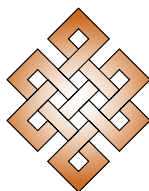
Пол, род деятельности	Место проживания	Тип территориальной идентичности, ранг			
		1 место	2 место	3 место	4 место
Женщина, программист	Челябинск-Москва-Китай	Тувинка	Житель Москвы	Гражданин России	Гражданин мира
Женщина, экономист	Санкт-Петербург	Тувинка	Житель Петербурга	Гражданин России	Житель Сибири
Женщина, экономист	Санкт-Петербург	Тувинка	Житель Петербурга	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом
Женщина, юрист	Абакан	Гражданин России	Житель Хакасии	Житель Абакана (с оговоркой)	Тувинка
Женщина, медик	ЯНАО	Тувинка	Гражданин России	Гражданин мира	Житель Сибири
Женщина, сотрудник вуза	Москва	Тувинка	Гражданин России	Житель Петербурга	Затруд. с ответом
Женщина, студент	Красноярский край	Гражданин России	Житель Сибири	Житель Тувы	Тувинка
Мужчина, студент	Красноярский край	Тувинец	Житель Тувы	Гражданин России	Затруд. с ответом
Мужчина, студент	Красноярский край	Житель Тувы	Житель Красноярского края	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом
Мужчина, медик	Санкт-Петербург	Тувинец	Гражданин России	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом

Большинство наших информантов на первое место уверенно поставили этническую идентичность (таб. 1). Только три человека из 11 на первое место поставили иную идентичность: «Я — гражданин России» (2 случая) и «Я — житель Тувы» (1 случай), что не типично для других регионов страны, в которых одному из авторов этой статьи приходилось вести подобные исследования (см., например: Пермь как стиль ..., 2013).

На наш взгляд, возможно два отличающихся объяснения полученного нами результата: либо для выходцев из Тувы этническая идентичность чаще всего имеет первостепенное значение, что не свойственно жителям других регионов, особенно русским, либо мы наблюдаем типичный для мигрантов, проживающих в ином культурном окружении процесс усиления этнической идентичности по сравнению со всеми остальными идентичностями, перечисленными в вопросе.

В пользу первого объяснения могут свидетельствовать результаты количественного исследования, проведенного В. С. Донгак в 2001 г., согласно которому 87,3% респондентов, проживающих в Туве, на вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» выбрали вариант «Прежде всего тувинцем»¹. Однако следует отметить, что В. С. Донгак использовала в своем опросе иной набор вариантов ответа («Гражданином мира», «Гражданином России», «Тувинцем» и «Представителем рода»), номинальную, а не ранговую, как мы, шкалу (варианты ответа «Прежде всего», «В определенной степени» и «Совсем или почти не чувствую»), а респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Дополни-

¹ Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев: дисс. канд. соц. наук. СПб., 2003. С. 110.

ные сомнения вносит тот факт, что у 2-х из 3-х наиболее молодых информантов нашего исследования этническая идентичность не входит в тройку значимых. Несовпадение инструментариев не дает нам с уверенностью принять данное объяснение.

В пользу второго объяснения говорят многочисленные исследования мигрантских сообществ и диаспор (Заславская, 2014; Константинов, Бабаева, 2020; Григорьев, 2015; Сурейко, 2010), так или иначе приходящие к общему выводу: сети общей мигрантов «фактически поддерживают устойчивость этнической идентификации мигранта» (Заславская, 2014: 71), а «глобализация в случае с диаспорами не столько ослабляет этническую идентичность, сколько поддерживает ее» (Сурейко, 2010: 64). Однако и это объяснение нужно принимать с осторожностью: чаще всего такие выводы делаются на основе исследований мигрантов, приехавших из-за рубежа, включенных в транснациональные отношения, часто — вынужденных беженцев. В нашем же случае речь идет о гражданах России, переехавших жить в другие регионы. До какой степени выводы, полученные на примере изучения иностранцев, можно экстраполировать на наши выводы, пока не понятно. Эта тема явно требует дальнейшей разработки с привлечением новых эмпирических данных. Пока же ограничимся следующими наблюдениями.

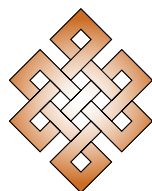
С одной стороны, у информантов, давно проживающих за Саянами, изначальные сугубо территориальные идентичности («житель Тувы», «житель города, села (например, Кызыла)» сегодня вообще не входят в число важных, в то время как этническая идентичность (тувинец, тувинка) доминируют почти во всех индивидуальных случаях, а если и не доминируют, то все равно присутствуют в перечне. Как выразилась одна из информанток, «Я идентифицирую себя как тувинка, но не идентифицирую себя как жительница Республики Тыва» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург). Вместо изначальных территориальных идентификаций у них часто появляются вновь приобретенные локальные идентичности — «житель Петербурга», например, и еще чаще становится важной общегражданская, а иногда и надтерриториальная идентичности. В то же время у мигрантов с малым стажем (студентов) во всех трех случаях изначальная территориальная идентичность присутствует в перечне важных, а вот национальная — не всегда. Это позволяет сформулировать тезис о том, что этническая идентичность усиливается в процессе миграции, даже если человек и утрачивает чувство тождественности с территорией малой родины. Это происходит не сразу, но после того, как человек «пускает корни», женится или выходит замуж, приобретает жилье, иногда перевозит в новый город обитания своих родителей и родственников (такие случаи тоже зафиксированы в интервью), он в какой-то момент осознает связь с новым местом обитания. Вот развернутый пример, иллюстрирующий этот процесс:

«... На втором месте я — жительница Санкт-Петербурга... И причём это произошло, можно сказать, два или три года назад. В течение 15 лет ... когда покупала билеты в Туву из Петербурга, я говорила: “Я взяла билеты домой. Ой, я съезжу домой”. У меня ... 15 лет подряд именно Тува ассоциировалась с моим домом. Хотя у меня квартира своя там уже 6–7 лет...» (Женщина, экономист, СПб.).

Исследование трансформации этнической и территориальной идентичности в условиях миграции показывает, что для тувинцев, проживающих за пределами Республики Тыва, первая усиливается, в то время как локальная и региональная — ослабевают. Скорее всего эти изменения обусловлены процессом адаптации к новому месту жительства, обретением новых социальных связей, семьи, работы при сохранении и даже усилении связей с другими тувинцами через землячества. Возможно, усиление этнической идентичности сопряжено не только с позитивными практиками взаимопомощи, но и с негативными случаями проявления нетерпимости и бытового национализма и расизма, поскольку, как пишет М. И. Заславская, «исследования показывают, что чем более толерантна среда в отношении недоминирующего этноса, тем менее противопоставляются этнодифференцирующие маркеры в восприятии собственной идентичности со стороны представителей этнической группы и тем большая вероятность ее ассимиляции в доминирующий этнос» (Заславская, 2014: 72). Эти предварительные выводы нуждаются в дальнейшей проверке в ходе более масштабных и комплексных полевых исследований.

Заключение

Таким образом, исследование показало сложные и часто противоречивые процессы эволюции этнической и территориальной идентичности жителей Тувы, уехавших за пределы республики в процессе трудовой миграции.

Выяснилось, что молодые жители Тувы чаще всего следуют двум основным миграционным сценариям. Первый можно охарактеризовать как рациональный и продуманный выбор в пользу выезда в другой регион ради получения высшего образования, повышения шансов на дальнейшее трудоустройство с хорошей зарплатой и престижным местом работы. Как правило, в формировании этого сценария участвуют родители, другие близкие родственники, иногда учителя. Этот сценарий предполагает использование услуг репетиторов, своевременный перевод ребенка в более сильную школу и даже переезд в региональную столицу, если до этого семья проживала в сельской местности. Второй сценарий выглядит как спонтанное решение поступить куда угодно за пределы региона, чтобы избежать негативных последствий вынужденного простоя после окончания школы, вырваться из рутины или покинуть родительскую семью.

Нами выявлен еще один важный мотив миграции, имеющий гендерный окрас. Выезд за пределы республики и приобретение опыта жизни в больших городах открывает для некоторых девушек возможности выйти за пределы традиционных гендерных ролей, строить свою личную и профессиональную жизнь, исходя из принципов гендерного равноправия и осознанного выбора приоритетов.

При переезде почти все выходцы из Тувы сталкиваются с некоторыми проблемами приспособления к новым условиям жизни (языковыми, материальными, бытовыми и культурными, а также зачастую с проблемами в межнациональных отношениях). Чаще всего основным ресурсом адаптации для молодых мигрантов из Тувы становится их этническая принадлежность. Это проявляется в распространенных практиках взаимопомощи в среде тувинцев, проживающих в одном городе, в формировании официальных и неофициальных землячеств, в использовании этнической культуры и символики как средства самопрезентации и повышения социального статуса в студенческой среде. Оказывается, что логика использования своей принадлежности к тувинскому народу в качестве ресурса при решении адаптационных проблем ведет молодых мигрантов не к отказу, а наоборот, к усилению их этнической идентичности. Вместе с тем, активная эксплуатация преимуществ нахождения в землячествах может привести и к некоторым проблемам, например, снизить число контактов с представителями других народов, растянуть период овладения русским языком или городской культурой.

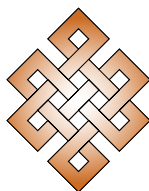
Исследование показало, что самыми «сильными» формами связи с малой родиной для молодых мигрантов являются повседневные контакты с родственниками (особенно с родителями) и регулярные приезды на родину в каникулы или в отпуск. Во время таких поездок многие информанты испытывают большой эмоциональный подъем, говорят о сильном переживании чувства «дома», ностальгии, близости к тувинской природе, «заряжаются энергией».

Планы на возвращение на малую родину имеют далеко не все опрошенные мигранты. Чаще всего информанты колеблются между эмоциональным желанием вернуться и прагматическими мотивами окончательно осесть за пределами малой родины, причем первое чаще проявляется у мужчин, а второе — у женщин. Основными факторами, препятствующими возвращению мигрантов в Туву, являются невозможность получить желаемую работу и доход, но также недостаточно комфортная городская среда, слабые возможности для обучения и развития детей, а также излишняя, с точки зрения жителя больших городов, жесткость традиционных норм культуры. Некоторые из опрошенных готовы были бы поработать на благо своей республики, но скорее всего в проектном формате, с ясным пониманием конечных целей и значимости результатов своей работы.

Отметим, что дальнейшая научная разработка обозначенной нами темы и придание ей некой завершенности возможны после проведения количественного опроса мигрантов на большой репрезентативной выборке, чтобы проверить степень распространенности того или иного типа поведения и мотивации, и мы надеемся, что в будущем нам удастся это сделать.

Основным же научным выводом всего исследования является установление следующей закономерности в эволюции этнической и территориальной идентичности выходцев из республики: чем дольше проживают тувинцы за пределами своей малой родины, тем сильнее в них укрепляется идентичность этническая при одновременном ослаблении и даже исчезновении идентичности региональной и локальной.

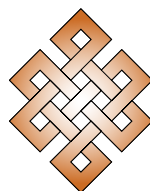
Из этого факта можно сделать и практический вывод. Мигранты из Тувы, обучившиеся и профессионально состоявшие за ее пределами, безусловно, могут внести большой вклад в развитие

республики, но для этого необходимо сохранить с ними связи, воспринимать их как партнеров и мотивировать общественным благом, не настаивая на возвращении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абельс, Х. (1999) Интеракция, идентификация, презентация. СПб. : Алетейя. 261 с.
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Андерсон, Б. (2016) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле. 416 с.
- Ассман, Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.
- Безвербный, В. А., Микрюков, Н. Ю., Ситковский, А. М. (2024) Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. № 3. С. 226–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 323 с.
- Гончиков, Ц. Д., Мандыт, М. К., Гомбоев, Б. О., Урбанова, Ч. Б., Хальбаева, С. Р. (2019) Миграция населения как фактор формирования и размещения населения региона (на примере Республики Тыва) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 13. № 1. С. 56–65.
- Григорьев, Д. С. (2015) Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. Том 11. № 1. С. 71–85. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2015110109>
- Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2021) Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень КалмНЦ РАН. № 1. С. 146–172. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172>
- Жаде, З. А. (2007) Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. № 2 (46). С. 173–184.
- Заславская, М. И. (2014) Особенности трансформации этнической идентичности в контексте миграционных процессов современности // Гуманитарий Юга России. № 1. С. 67–73.
- Зубаревич, Н. В. (2017) Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. № 2. С. 46–57.
- Константинов, В. В., Бабаева, М. В. (2020) Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. Т. 17. № 1. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142>
- Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3 (23). С. 152–165.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Медушевский, Н. А. (2025a) На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 1. // Власть. Т. 33. № 1. С. 228–233.
- Медушевский, Н. А. (2025b) На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 2. // Власть. Т. 33. № 2. С. 196–208.
- Медушевский, Н. А. (2025c) Территория как фактор этногенеза и принципы территориального разобщения и воссоединения этнической группы // Власть. № 3. С. 29–37.
- Мочалов, А. Н. (2017) Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17. Вып. 4. С. 33–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.3352>

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 193–219. DOI: <https://doi.org/24412/2782-6139-2023-6-7-193-219>

Ойдуп, Т. М., Кылдыдай, А. Ч. (2011) Профессиональные предпочтения учащихся выпускных классов общеобразовательных школ г. Кызыла (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 1 (9). С. 89–103.

Ольденбург, Р. (2014) Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества : пер. с англ. А. Широкаковой. М. : Новое литературное обозрение. 456 с.

Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности (2013) / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. ст. О. Л. Лейбовича. Пермь : Редакционно-издательский совет ПГПУ. 240 с.

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023) Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 207–219. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>

Сурейко, С. (2010) Проблема изучения трансформации этнической идентичности в среде вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси // Журнал международного права и международных отношений. № 3. С. 58–64.

Фадеечева, М. А. (2006) Этнонационализм в политическом дискурсе российского постмодерна // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Т. 2. № 2. С. 125–133.

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

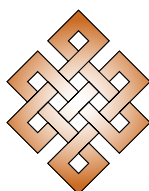
Ядов, В. А. (1995) Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. № 3–4. С. 158–181.

Дата поступления: 10.06.2025 г.

Дата принятия: 05.09.2025 г.

REFERENCES

- Abels, H. (1999) *Interaction, identification, presentation*. St. Petersburg, Aletheia. 261 p. (In Russ.)
- Abylkhalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population migration in Tuva according to the 2020 All-Russian Population Census data. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
- Abylkhalikov, S. I. (2021) Demographic development features of Tuva: migration contribution to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Anderson, B. (2016) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow, Kuchkovo Pole. 416 p. (In Russ.)
- Assmann, J. (2004) *Cultural memory: writing, remembrance of the past and political identity in ancient high cultures*. Trans. by M. M. Sokolskaia. Moscow, Languages of Slavic Cultures. 368 p. (In Russ.)
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, sociocultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) Ethnoregional migration features in Tuva. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, vol. 10, no. 390, pp. 85–92. (In Russ.)
- Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu. and Sitkovsky, A. M. (2024) Educational interregional migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 226–239. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>
- Berger, P. and Luckmann, T. (1995) *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.)
- Gonchikov, T. D., Mandyt, M. K., Gomboev, B. O., Urbanova, Ch. B. and Khal'baeva, S. R. (2019) Population migration as a factor of population formation and distribution of the region (case of the Republic of Tuva). *Izvestiya Dagestanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Estestvennye i Tochnye Nauki*, vol. 13, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.)
- Grigoriev, D. S. (2015) Interconnection of ethnic identity expression and acculturation attitudes of migrants with their socio-economic adaptation level. *Kulturno-Istoricheskaya Psikhologiya*, vol. 11, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2015110109>
- Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2021) Tuvan ethnicity as an object of research. *Bulleten KalmNTS RAN*, no. 1, pp. 146–172 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172>

- Zhade, Z. A. (2007) The problem of identity in modern social theories. *Filosofia i Obshchestvo*, no. 2(46), pp. 173–184. (In Russ.)
- Zaslavskaya, M. I. (2014) Features of ethnic identity transformation in the context of modern migration processes. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, no. 1, pp. 67–73. (In Russ.)
- Zubarevich, N. V. (2017) Russian space development: barriers and opportunities of regional policy. *Mir Novoy Ekonomiki*, no. 2, pp. 46–57. (In Russ.)
- Konstantinov, V. V. and Babaeva, M. V. (2020) Transformation of ethnic identity of Armenian migrants involved and not involved in national-cultural autonomy activities. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika*, vol. 17, no. 1, pp. 128–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142>
- Lamazhaa, Ch. K. (2014) Sayan Tuvans: lifestyle, values, ideals. *New Research of Tuva*, no. 3(23), pp. 152–165. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of the Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Medushevsky, N. A. (2025a) At the intersection of primordialism and constructivism: reflecting on the concept of “ethnos”. Part 1. *Vlast*, vol. 33, no. 1, pp. 228–233. (In Russ.)
- Medushevsky, N. A. (2025b) At the intersection of primordialism and constructivism: reflecting on the concept of “ethnos”. Part 2. *Vlast*, vol. 33, no. 2, pp. 196–208. (In Russ.)
- Medushevsky, N. A. (2025c) Territory as a factor of ethnogenesis and principles of territorial disintegration and reunification of an ethnic group. *Vlast*, no. 3, pp. 29–37. (In Russ.)
- Mochalov, A. N. (2017) Territory, ethnicity and the phenomenon of “multiethnic” states. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 17, no. 4, pp. 33–52. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.3352>
- Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>
- Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, reasons and motives. *Aziatskie Issledovaniya: Istoriya i Sovremennost*, no. 2–3(6–7), pp. 193–219. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/24412/2782-6139-2023-6-7-193-219>
- Oidup, T. M. and Kilygdai, A. Ch. (2011) Professional preferences of graduating school students in Kyzyl (based on sociological research). *New Research of Tuva*, no. 1(9), pp. 89–103. (In Russ.)
- Oldenburg, R. (2014) *The third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other “hangouts” as a community foundation*. Trans. By A. Shirokanova. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. 456 p. (In Russ.)
- Perm as a style: presentations of Perm city identity* (2013). Ed. by O. V. Lysenko and E. G. Tregubova, intro. O. L. Leibovich. Perm, Editorial and Publishing Council of PSGPU. 240 p. (In Russ.)
- Rostovskaya, T. K. and Vasileva, E. N. (2023) Challenges of educational migration of Tuva youth: demographic aspect. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 207–219. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>
- Sureiko, S. (2010) The problem of studying ethnic identity transformation among forced migrants from Afghanistan in Belarus. *Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava i Mezhdunarodnykh Otnosheniy*, no. 3, pp. 58–64. (In Russ.)
- Fadeicheva, M. A. (2006) Ethnonationalism in the political discourse of the Russian postmodern. *POLITEKS: Political Expertise*, vol. 2, no. 2, pp. 125–133. (In Russ.)
- Chernishev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V., and Petrov, E. Iu. (2023) Scale and directions of educational migration of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>
- Yadov, V. A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of social identity formation of an individual. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, no. 3–4, pp. 158–181. (In Russ.)

Submission date: 10.06.2025.

Acceptance date: 05.09.2025.